

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Ван Чжи-Хун

Ван Чжи Хун

**«Биографии достойных монахов», как источник изучения
простонародных форм буддизма в Китае**

Специальность 09.00.13. – «Религиоведение, философская антропология,
философия культуры».

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

**Санкт-Петербург
2005**

Работа выполнена на кафедре Философии религии и культурологии Востока философского факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета

Научный руководитель - кандидат философских наук, доцент
Солонин Кирилл Юрьевич
доктор философских наук,
Ермаков Михаил Евгеньевич
Официальные оппоненты - кандидат философских наук,
Бурмистров Сергей Леонидович
Ведущая организация - Музей антропологии и этнографии им.
Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Защита состоится «20» Октября 2005 г. в 16 часов на заседании Диссертационного Совета К.212.232.08 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук при Санкт-Петербургском Государственном Университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5, Философский факультет, ауд. 67.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им М. Горького Санкт-Петербургского Государственного Университета.

Автореферат разослан « » _____ 2005 г

Ученый секретарь
Диссертационного Совета

Н.В. Круглова

2006-4
12770

2767951

1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

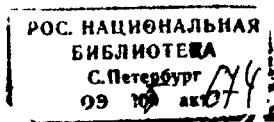
В огромном письменном наследии китайского буддизма "Биографии достойных монахов" ("Гао сэн чжуань", далее ГСЧ) Хуэй-цзяо /497—554/ отнесены к числу буддистских памятников», вошедших в общекультурный китайский фонд любой современный китаец», не посвященный в азы буддизма и далекий от высот образованности, знает о существовании и почитает монашеское собрание в как культурную святыню. ГСЧ предстают и памятником, проповедующим буддийские религиозные ценности, и главным источником по истории раннего китайского буддизма, и образцом высоких литературных достоинств. Отсюда три разных ипостаси их автора — монаха, историка и литератора.

В собрание Хуэй-цзяо в хронологическом порядке вошли биографии 257 исторических лиц, кроме того, более 200 лиц упоминаются в кратких дополнительных биографиях. Биографии составляют 13 цзюаней (глав) и распределяются по десяти разделам "Переводчики" (цз 1—3), "Толкователи" (цз 4—8), "Чудотворцы" (цз 9—10), "Преуспевшие в самосозерцании" (цз. 11), "Знатоки вина" (цз. 11), "Принесшие себя в жертву" (цз 12), "Декламаторы" (цз 12), "Сотворившие благо" (цз 13), "Наставники в сутрах" (цз 13) и "Сказители" (цз 13). Каждый из разделов заключается заключением/славословием. Сочинение снабжено предисловием автора, а также посланием автору от первого критика ГСЧ, Ван Мань-ина, и ответным письмом Хуэй-цзяо своему корреспонденту, к собранию также прилагается памятная записка монаха Сэн-го о последних годах жизни Хуэй-цзяо.

Актуальность темы исследования. Традиционная культура активно развивающегося Китая привлекает все большее внимание во всем мире, не исключая ближайшего соседа России. Особый интерес представляет русскоязычное исследование непосредственного носителя китайской культуры.

Буддизм, история которого в Китае насчитывает без малого два тысячелетия, является важной частью китайской культуры.

Сочинение Хуэй-цзяо положило начало буддийскому полубиографическому жизнеописанию в Китае. Наиболее известны так называемые "Жизнеописания достойных монахов четырех династий" помимо собрания монаха из Гуйцзи в него входят "Продолженные жизнеописания достойных монахов" Дао-сюаня, "Сунские

жизнеописания достойных монахов" Цзань-нина и "Жизнеописания достойных монахов Великой Мин" Жу-сина. Здесь приводятся биографии в общей сложности более 1500 исторических лиц, наиболее раннее из описанных событий относится к 67 г., самое позднее — к 1644 г. Со временем традиция ГСЧ перешагнула пределы Китая, внедрилась в странах дальневосточного региона и остается жизнеспособной по настоящее время. Литературный ряд ГСЧ создавался по образу и подобию сочинения Хузи-цзяо и потому предпринимаемое нами исследование поможет пониманию живого феномена буддийского жизнеописания Дальнего Востока.

Лунь/цзань, или заключения/славословия играют ключевую роль в составе ГСЧ. Автор ГСЧ, строго следующий своим предшественникам-биографам, приобретает предельную творческую свободу только при написании заключений/славословий, которые придают собственное значение памятнику. Заключения/славословия становятся квинтэссенцией всего собрания, где приводится авторское мнение по поводу изложенного в разделах, обозначены критерии разделения биографий по разделам, разъясняются авторские взгляды на историю буддизма, его религиозные, литературные, художественные и иные предпочтения и т. д.

Подробное исследование заключений/славословий ГСЧ, предпринимаемое в контексте всего памятника, позволит существенно приблизиться к пониманию феномена буддийского жизнеописания на Дальнем Востоке.

Степень научной разработанности темы. Исследования, посвященные ГСЧ — сравнительно редкие в прошлом и весьма многочисленные в настоящем — следует подразделить на несколько пунктов:

1. Монографии и статьи концептуального и комплексного содержания (А Райта, Яманути Синке, Макига Тайре, Су Цзиньжэнь и др.) исследуют историю создания памятника, источники ГСЧ, историческое и литературное окружение и т. д. Наиболее комплексное и подробное исследование ГСЧ принадлежит китайскому ученому Чжэн Юйцину; кроме названных аспектов он провел исследование по истории текста, его географии и стиля. Среди российских исследователей следует отметить М. Е. Ермакова, плодотворно занимающегося переводом и исследованием ГСЧ, его исследование содержит подробную историю изучения памятника, комментированные сведения об авторе, очерк становления буддийской историографии Китая, исследование некоторых элементов исторической концепции ГСЧ, последовательное рассмотрение ГСЧ в аспектах мировой, затем китайской и буддийской историографии. Исследование предваряет

опубликованный перевод раздела "Переводчики" ГСЧ, в этом году выйдет в свет второй том, включающий перевод второго раздела "Толкователи" и вступительную исследовательскую статью, с выходом в свет третьего последнего тома перевод М. Е. Ермакова станет первым полным переводом на европейские языки

2. Сравнительные исследования биографий и собраний буддийских биографий включают статьи о главных источниках ГСЧ и взаимосвязи с ближайшим литературным окружением (Чэнь Шинянь, Макита Тайре и др.), а также образцах буддийских биографий близких к ГСЧ (Цай Хуэймин, Сагомити Норио и др.)

3. Разработки содержания отдельных разделов ГСЧ, включая "Пришедшие себя в жертву" (Мидзуо Гэннобу), "Преуснувшие в самосозерцании" (Суяма Нагахару, Фунамото Кадзунори), "Чудотворцы" (Мураками Ёсими, Танака Таканобу, Фунамото Кадзунори и др.).

4. Использование исторических материалов ГСЧ осуществлено в ряде источниковедческих разработок по истории литературы (Цай Инсюнь), общей истории (Лян Цичао) и др. К ним примыкают отдельно изданные указатели к ГСЧ Г. Хакмана и более совершенный — Макиты Таирё

Обширная научная литература, к настоящему времени сложившаяся вокруг ГСЧ, служит обеспечением, но не заменяет исследование по заключениям/славословиям, способное приблизить к пониманию феномена буддийской биографии на Дальнем Востоке

Цели и задачи исследования:

- обозначить роль, место и значение заключений/славословий в ГСЧ;
- заключение/славословие как средоточие авторского начала и квинтэссенция авторских взглядов,
- показать истоки заключений/славословий в контексте китайской классической литературы жизнеописаний,
- раскрыть проблему формирования базовых основ, содержания и структуры заключений/славословий,
- произвести оценку концепций, заложенных в заключениях/славословиях в аспекте распределения материалов ГСЧ по десяти разделам,
- представить биографический ряд ГСЧ в единстве исторического и литературных аспектов,

- преподать заключения/славословия как продукт исторической критики в китайской историографии;
- воссоздать критерии исторической объективности, присущие ГСЧ
- выявить художественный стиль заключений/славословий и индивидуальную манеру письма Хуэй-цзяо,
- уточнить признаки ГСЧ в свете православной житийной литературы

Теоретико-методологические основы. Диссертационная работа опирается как на традицию китайской классической филологии и буддологии, так и на их достижения на современном этапе. В своих исходных положениях исследование основывается на последних концептуальных достижениях западной и китайской теории биографической литературы. Исследование основано на критическом тексте ГСЧ в японском издании Трипитаки "Тайсе синсю Дайдзюкэ" ("Заново составленная Трипитака гг. Тайсё") Т. 50. № 2059

Научная новизна исследования:

- обозначено ключевое место заключений/славословий в биографическом собрании Хуэй-цзяо,
- определена роль заключений/славословий как средоточия авторского начала и квинтэссенции взглядов автора,
- выявлены истоки заключений/славословий в традиционной китайской историографии,
- биографический ряд ГСЧ представлен в единстве исторических и литературных аспектов;
- заключения/славословия представлены как продукт исторического комментирования и критики в китайской традиционной историографии.
- биографическое собрание Хуэй-цзяо прямо соотносено с жанром "смешанных биографий" традиционной китайской историографии;
- выявлены ряд особенностей художественного стиля заключений/славословий и некоторые признаки индивидуальной манеры Хуэй-цзяо

Теоретическая ценность и практическая значимость результатов исследования. Теоретические выводы диссертационной работы способствуют большему текстовому пониманию феномена буддийского жизнеописания на Дальнем Востоке, а ее

практические результаты позволяют внести существенные поправки в историографию китайского буддизма. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих работ, учебных пособий и лекционных курсов по историографии китайского буддизма, истории и литературе китайского буддизма, культуре Китая и стран Дальнего Востока.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были представлены в лекционном курсе «История китайского буддизма», читавшегося в 2004-2005 учебном году на философском факультете СПбГУ, а также на Международной конференции «Религиозно-философское наследие Востока в герменевтической перспективе» (2001 г.)

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры философии и культурологии Востока филос. ф-та СПбГУ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. К основному тексту диссертационной работы прилагаются переводы заключений/славословий к двум первым (и наиболее значимым) разделам ГСЧ "Переводчики" и "Толкователи", а также биография Хуэй-цзяо в "Продолженных Жизнеописаниях достойных монахов" ганского Дао-сюаня и памятная записка монаха Сэн-го о последних годах жизни Хуэй-цзяо. Во втором приложении представлены материалы по истории древнерусской рукописи и ее стилистике.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, охарактеризована степень ее научной разработанности, сформулированы основные цели и задачи диссертации, показана ее научная новизна и научно-практическая значимость. Представлены подходы к исследованию, охарактеризована исследовательская база, показана структура работы.

Первая глава «Складывание заключений/славословий исторический контекст» состоит из пяти параграфов. Эта глава знакомит с культурным контекстом заключений/славословий и дает возможность перейти от теоретических, общих к практическим, частным аспектам исследования. Как указывает Ян Чжэньчунь, «биография отвечает двойному требованию — достоверности и художественности — и это почти невыполнимое условие для биографа. В связи с этим многие мэтры указывают на то, что среди всех искусств словесности биография подвержена наибольшим ограничениям и является одним из самых трудных. В излишней погоне за литературностью и занимательностью нелегко выявить роль действующего лица в истории, не утонуть в мелких подробностях и фактах. Прожить реальную жизнь героя способен только тот, кому удалось обрести историческую объективность и достоверность, при этом не потеряв литературных достоинств. Руководствуясь такой установкой Ян Чжэньчуня, диссертационное исследование разделено на два аспекта:

1. Исторический

Описания лиц, события, явлений обязательно должны соответствовать историческому оригиналу и доподлинно отражать исторический дух эпохи; объективность должна быть абсолютной и обеспечивать высокую степень достоверности.

2. Литературный

Литературное обрамление, описание обстоятельств происходящего, углубленное изображение исторических деятелей, образующие уровень восприятия.

Сочетание исторического и литературного аспектов создает трудно преодолимые трудности: биограф не имеет права ни на шаг отклониться ни в ту, ни другую сторону: читатель обязан улавливать тончайшую грань между тем и другим.

Что касается исследования заключений/славословий, то они в полной мере содержат оба эти аспекта и к тому же оказываются чрезвычайно полезными для изучения внутреннего идеального содержания монашеских жизнеописаний. Заключения/славословия

— это часть биографий, но помимо собственной исторического и литературного значения, имеют чрезвычайное влияние. в особенности в плане моральных оценок Показано место заключений/славословий в традиционной биографической литературе, проблема их формирования, базовые основы содержания, структура В формальном аспекте рассмотрено распределение материалов ГСЧ по десяти разделам с соответствующими заключениями/славословиями. а также в плане содержания раскрыта и объяснена взаимосвязь биографий и заключений/славословий, произведена оценка концепций, заложенных в заключениях/славословиях

В первом параграфе «Общие исторические истоки биографий и заключений/славословий» проведен исторический обзор развития традиционной китайской биографии, и установлено в каком контексте складывались заключения/славословия

Истоки биографии как понятия фиксирующего события человеческой жизни установить вряд ли удастся В исследовании Чжу Вэньхуа указывается, что простейшие по форме и содержанию описания восходят, быть может, уже к эпохам Шан-Инь /16—11 вв до н э / и Чжоу /II в —256 г До н э / На панцирях черепах и костях животных в Аньяне (современная провинция Хэнань) содержатся исторические события, касающиеся имен императоров и верховнослужителей войны, жертвоприношения, охоты и др , а также где и когда они происходили В исследовании Хуан Шаоина приведены сведения о том, что при династии Чжоу была учреждена должность чиновника, занимающегося записью легенд и мифов, ходящих в самых широких слоях общества Люди могли развивать собственные представления, чувства и знания в этих полных образов и мистических оттенков записях деяний героев-предков

В период Южных и северных династий (420—589) историография стала всеобщим поветрием Лянский У-ди /502—549/ учредил историческое бюро, которое составило образцовое обширное произведение "Всеобщая история" в 620 цзюаней — династия Лян, можно сказать, является временем наивысшего расцвета историописания Если сравнить историческую литературу библиографического раздела "Истории династии Суй" с соответствующей литературой, аннотированной в "Истории Ранней династии Хань", то за пол тысячелетия она достигла чрезвычайного размаха В историографии Шести династий, отмеченной небывалым расцветом добавилась новая доминанты описание исторических деятелей с весьма значительным элементом исторических оценок и критики и небывалое распространение комментированных историй Все эти факторы обеспечили и

обусловили содержание феномена лянской буддийской историографии и, в частности классического монашеского собрания Хуэй-цзяо

Династии Вэй, Цзинь, Южных и северных династий — период расцвета комментаторства. Главная особенность трудов ученых-комментаторов того времени — невиданное расширение горизонта, поиски разного рода свежих мыслей и методов, что имело тесную связь с тогдашними умонастроениями. Наиболее комментаторской литературой эпохи Шести династий была "смешанная биография", к которой, как нам известно из истории кигайской литературной критики, относились и ГСЧ. Однако у комментированных историй есть, безусловно, своя традиция.

"Смешанные биографии" — это наиболее специфичный исторический жанр, начиная с эпохи Вэй и Цзинь. Это не только самый обширный жанр, многим превышающий объемом другие, но и его содержание чрезвычайно разнообразно: побывавшие диковины, монашеская стезя, отдельные биографии, истории родов, истории округов и многое другое.

Являясь непререкаемой принадлежностью "смешанной биографии", "отдельная биография" имеет под собой существенное отличие, связанное с описанием единственного индивида. Только имея предварительное представление о "смешанной биографии", мы имеем возможность установить, какое место занимает "отдельная биография" в историографии династий Вэй и Цзинь. "Смешанная биография" и "биография смешанного типа" 雜體傳記 — это термин, принятый для удобства каталогизации и не имеющий отношения к самому ее содержанию. Во времена династии Вэй /220—264/ Цзинь /265—420/ и Южных и северных династий /410—589/ они составляли 217 разделов и были весьма многообразны по содержанию. Как указывает Чжао Шаньинь. Тексты биографий времен Вэй, Цзинь и Южных и северных династий можно разделить на два разряда: первые — биографии, принадлежащие историческим произведениям, в частности, "образцовым историям"; вторые — не вошедшие в образцовые истории или "смешанные биографии»

По существу же, и биографии из образцовых историй, и "смешанные биографии" те и другие могут быть отнесены к смешанному типу. К примеру "Исторические записки" включают 1. отдельные биографии, 2. совместные биографии, 3. прилагаемые биографии, 4. биографии по разделам. Первые повествуют о наиболее крупных и высокопоставленных деятелях, оставивших след в истории, вторые параллельно излагают биографии двух исторических персонажей, соединенных в одну биографию по принципу

сходства или контраста Лцюй Юань и Цзя И; Лао-цзы и Хан Фэй-цзы/, третьи — биографии постсведателей, учеников, соратников второстепенных по отношению к главному персонажу лиц четвертые — биографии, соединенные в особые разделы по признаку единства рода деятельности, заступ на каком-либо поприще и т. д.

Биографии 10 разделов ГСЧ с некоторым основанием могут быть снесены с биографиями по разделам образцовой истории, кроме того, в памятнике присутствуют биографии, которые принято называть прилагаемыми /более двухсот в составе всего памятника/, наиболее крупным буддийским деятелям /Кумараджива, Дао-ань, Хуэй-юань, Фо Ту-дэн и др./ посвящены обширные "отдельные" биографии. Если же сравнивать ГСЧ с биографиями образцовых историй в отношении исторической достоверности, то буддийское собрание обладает тем же историческим статусом и подчиняется тем же критериям.

ГСЧ принадлежат к разряду "смешанных биографий", созданных на основе "отдельных биографий", и состоят во многом из описаний деяний достойных монахов, почерпнутых из отдельных биографических записей.

Однако после того как множество отдельных биографий собраны в корпусе одного сочинения, их "отделенность" перестает быть таковой. Впрочем, поскольку исходные источники ГСЧ к настоящему времени утрачены, мы не имеем возможность путем сопоставления установить насколько окончательный текст ГСЧ отличается от исходных текстов "отдельных биографий".

Наряду со "смешанной" и "отдельной" биографией, в эпоху Цзинь бурно развивается историческое комментирование, уже отмежевавшееся от "установления произношений и значений" и толкования древних текстов, и обретшее статус науки оценки фактов и исторических основ. Способ написания комментария, "видоизменяя события и помещая их в особые книги", преобладающий при Западной и Восточной династиях Цзинь, по существу стал способом комментирования всей жизни человека и ее событий от начала до конца, поскольку, имея предназначение "полностью охватить события" комментирование включило в свой предмет и образцы широко распространенной при династии Цзинь биографии. Критика комментированной истории — это во многом и есть исследуемый нами материал заключений/ставословий.

Практика критических оценок исторических деятелей была широко распространена еще до династии Восточная Хань /25—220/ в особенности в отношении политики и общества. Периоды Вэй и Цзинь восприняли и усугубили этот компонент историописания, доведя критику личности до всесторонней и универсальной.

Заключение -- жанр наиболее приближенный к практическим потребностям полемики и наиболее полно в ней себя проявляющий. Из всех исторических жанров только заключение способно истолковывать принципы и понятия, и потому этим жанром продолжает активно пользоваться литература Вэй-Цзинь.

Итак, историография династии Вэй-Цзинь уже постепенно отходит от конфуцианских образцов, собирая и отбирая различные точки зрения авторов, создавала независимые школы. Поставив во главу угла исторического деятеля, смешанная биография эпохи Вэй и Цзинь испытала очень глубокие влияния идеологии "темного учения". В смешанной биографии множество сюжетов об удивительном и проделках духов. После эпохи Тан /618--907/ их стали рассматривать в качестве художественной прозы, а ранее в эпоху Вэй и Цзинь понимали как записи о реально существовавшем и потому исторически достоверном. Таким образом, в восприятии людей короткий рассказ о чудесах эпохи Вэй-Цзинь, хотя и говорит о тайном и явном, связях людей и духов, но сообщает о реальном и достойном полном доверия. В отличие от короткого рассказа об удивительном, принимающего на веру определенно не согласующиеся с реальностью события, монашеская биография демонстрирует довольно добротные образцы исторической критики.

Создание ГСЧ приходится на период самого высокого развития биографической литературы Шести династий, и, конечно же, автор опирался на самые высокие образцы этого жанра. Однако достижение таких высот в краткий исторический период, конечно же, невозможно: развитие историографии есть длительный исторический процесс. Биография и заключения/славословия постепенно создавались как самостоятельный жанр. Заключение/славословия -- это своего рода критический жанр, конечно же впитывающий разного рода точки зрения и критические воззрения и таким образом создающий свои собственные.

Во втором параграфе «История развития историографических заключений/славословий» анализируется формирование исторической критики.

Помещение заключений/славословий в монашеские биографии не есть изобретение автора ГСЧ, но заимствование из традиционной историографии. Исторические заключения/славословия -- это своего рода образцы историописания, обладающие литературными свойствами -- существовали в древнейшем историописании. В произведениях доциньского периода их письменные образцы могли появляться после изложения какого-либо исторического события и по окончании какого-либо пассажа.

автор выражает мнение по этому поводу или собственное суждение относительного отдельного персонажа

Развитые формы авторских суждений представлены в "Цзо чжуань" в пассажах, начинающихся со слов "Господин говорит " В "Цзо чжуань" общим числом представлено 134 суждения об исторических событиях и исторических деятелях Среди них — 84 предваряются фразами "Господин считает ", "Господин полагает " и даже "Господин предполагает " Также приведены 50 цигат из Кун-цзы. Чжоу Жэня, Чжун Хуэя Ши И и др. хвалебные и критические мнения современников Господина Некоторые хвалебные и критические мнения возможно оформляются фразой "Господин говорит " Эти авторские суждения представляют и одновременно формируют воззрения господствующего состояния, как бы выражая общественное мнение того времени и определяя обязательную систему отбора материала — что сократить и что изложить в полном виде

Сменив оформление критических суждений на "Господин астролог говорит ", Сыма Цянь в "Исторических записках" существенно обогатил их содержание и в отношении исторических событий, и исторических деятелей Чэнь Цзин в своем исследовании указывает, что впоследствии Бань Ю в "Истории династии Хань", строго следуя своему предшественнику, изменил обозначение авторских критических суждений на "Славословие говорит " и поместил их в конце каждой главы Этим авторским приемом руководствовались историки последующих веков так было положено начало заключениям/славословиям в традиционной китайской историографии

В третьем параграфе «"Жизнеописание достойных монахов" и пресметственность заключений/славословий» приведен анализ тех образцов из ближайшего буддийского окружения, которые в наибольшей степени оказали влияние на исторического деятеля и литератора Хуэй-цзяо

В письме к Хуэй-цзяо приложенному к послесловию ГСЧ, Ван Маньин, оценивая ГСЧ, так определяет их превосходство над другими собраниями

"Поставив достойных на место знаменитых, Вы устыдили недостойных широко преподав образцы благочестия Вы вдохновили добродетельных Обсуждая Ваше творение, Ваши последователи в другие времена пишущие об этом же будут оценивать Ваши преимущества и недостатки и говорить об этом все дни всего года" (ТСД Т 50 З 2059 С 342в)

Приведенный отрывок имеет прямое отношение к критике Хуэй-цзяо различных авторов монашеских собраний из предисловия к ГСЧ Говоря о том, что, продолжая его

литературный труд ученики-последователи Хуэй-цзяо будут основываться на ГСЧ, Ван Маньин косвенным образом признает, что его корреспондент пользовался трудами его предшественников. В своем труде Тан Юнун приводит из разных источников хронологический список монашеских биографических собраний написанных до эпохи Суй /581--618/. Кроме того, существовали образцы монашеских собраний с содержанием, не ограниченным хронологически. В основном, это биографии, прилагаемые к разного рода сочинениям.

До настоящего времени не прекращаются поиски главного источника или базового текста, на котором основывался автор-составитель ГСЧ. При этом выдвигаются взаимоисключающие версии или "Жизнеописаний знаменитых монахов" Бао-чана, или "Собраний сведений о переводах Трипитаки" Сэн-ю в качестве первоисточника ГСЧ. Использование названных сочинений в качестве источника ГСЧ не вызывает никаких сомнений, однако версия о некоем первоисточнике или базовом источнике не вполне согласуется с одним из непреложных правил традиционной китайской историографии — использовать источники во всем их имеющемся объеме, которому, безусловно, следовал автор-составитель ГСЧ.

Автор-составитель ГСЧ использовал все имеющиеся в его распоряжении источники, не исключая официальные хроники, географические записи, эпистолярные материалы, произведения, написанные его персонажами и др., и согласно собственной концепции, установкам и авторской позиции поместил в свое собрание. При этом ГСЧ, безусловно, впитали весь опыт накопленный традиционной китайской историографии в литературном и концептуальном плане. Версия пропосочинения или базового источника ГСЧ препятствует такому пониманию, обедняет содержание памятника и в наименьшей степени имеет отношение к заключениям/словам/словиям, выражающим собственное авторское начало Хуэй-цзяо.

Далее приводится предметное, детальное сравнение ГСЧ с "Жизнеописаниями знаменитых монахов" и другими "смешанными" биографиями из которого видно, что упомянутые сочинения тщательно исследованы и получены собственную оценку автора (по большей части неудовлетворительную), что и послужило движущей причиной к написанию собственно монашеских биографий. Однако нет сомнений в том, что эти "смешанные биографии" послужили базовым источником ГСЧ.

В четвертом параграфе «Объективность в плане формы» рассмотрены вопросы связанные с историзмом и объективностью.

Достоверность и объективность, входящие в единую группу понятий вовсе не была изначально присуща интеллектуальной традиции Китая – они были созданы и рассмотрены в русле западной традиции. Современная китаеведческая историография хотя и не в состоянии обойтись без понятия объективности в качестве своей движущей силы, однако этому понятию недостает той страстности, которая свойственна западному скептицизму. В традиции китайской историографии существует эффект вовлеченности историка и излагаемые исторические события лишены скептицизма и потому термин "объективность" будет применяться нами с несколькими оговорками.

Хуэй-цзяо считал многие сочинения своего времени не слишком объективными в изображении событий – что явилось одной из движущих причин для написания "Жизнеописаний достойных монахов". Хуэй-цзяо указывает на то, биографы монахов имеют свои недостатки в использовании материалов: пишут то, что не следует писать, а то, что следует, не пишут.

Послесловие Хуэй-цзяо имеет большие отличия от остального текста памятника, включая и то, что касается разделения на десять разделов. И это притом, что в своем послесловии Хуэй-цзяо отчетливо излагает перечень источников и принципы изложения, а в заключениях/славословиях последовательно проводит свою точку зрения. Таким образом, в ГСЧ присутствуют два уровня: уровень изложения или биографический ряд и уровень оценки или заключения/славословия. На первом уровне содержатся биографии десяти разделов, а на втором – пояснения и критика содержания внутри каждого раздела. Был ли биограф объективен в своих критических оценках, читатель сможет установить по содержанию заключения/славословий.

Далее рассмотрена их объективность в плане формы и содержания – десять разделов "Жизнеописаний достойных монахов", полная исчерпаемость и взаимоисключаемость, разделенность биографии и заключения. Не желая смешивать план изложения с собственным оценочным планом, Хуэй-цзяо сознательно концентрирует последний в конце каждого раздела и четко отделяет от первого фразой "Заключено" гласит: "Главное обстоит в том, что Хуэй-цзяо указывает на разделенность биографического материала и критического и то, что одно не есть другое. Хуэй-цзяо строго следил за тем, чтобы его заключения были отделены от исторического материала, поскольку они в наибольшей степени заключают авторское начало".

В пятом параграфе «Признаки объективности внутреннего содержания "Жизнеописаний достойных монахов"» приведен анализ уровня объективности биографий и заключений/славословий ГСЧ.

Критерии объективности не являются чем-то постоянным и неизменным — они изменяются в зависимости от уровня исторического развития и идеологии, культурных и религиозных представлений. Не имея необходимых знаний о культурном фоне ГСЧ, очень трудно вернуться в ситуацию того времени, и потому определение уровня объективности биографий и заключений/славословий ГСЧ — это проблема профессиональной подготовленности исследователя. Вследствие чего осознание проблемы изучения заключений/славословий и знание взаимосвязанного с ними культурного фона должны способствовать объективности изучения личности Хуэй-цзяо, его произведения и персонажей.

Монашеские биографии ГСЧ — конечно же, в основном некая запись событий, однако в их последовательности присутствует некая доктринальная направляющая. Заключения/славословия, безусловно, включают религиозные смыслы, обращенные людям в миру и служащие объяснению и восприятию наиболее скрытых и наименее понятных мест биографий. В этом отношении заключения/славословия ГСЧ служат подтверждением принципа исторической объективности, проводимого и в заключениях/славословиях традиционной китайской историографии.

Заключение и биография монашеского собрания формально представляют два уровня объективности, а в плане содержания текст биографии и текст заключения/славословия — — исчерпываемы. Вероятно Хуэй-цзяо в своих подробных истолкованиях руководствовался двумя следующими установками:

1. Заключение является разбором и пояснением к событиям биографий.
2. Биографии являются обоснованием заключений.

Далее эти два принципа подробно рассмотрены.

Вторая глава «Литературный аспект заключений/славословий» исследует литературное значение заключений/славословий в составе биографического собрания и содержит два аспекта: жанр и художественный стиль заключений/славословий. Вначале подробно рассмотрено место и значение жанра заключений/славословий в таком литературном явлении как «буддийская биография». Затем рассмотрен художественный стиль заключений/славословий, а также индивидуальная манера письма автора ГСЧ.

Первый параграф «Жанровая принадлежность заключений/славословий ГСЧ» посвящен литературному жанру заключений/славословий.

В ранней китайской литературной критике понятие «вэньцзи» (в современном языке — литературный стиль) имеет многие значения: или это указание на изысканный образец, или обозначение произведения, обладающее цельной художественной образностью, или

это литературные направления и течения проявляющиеся в том или ином произведении. И потому, употребляя это понятие, мы неизбежно затрагиваем сферу исторического литературоведения. Форма литературного произведения (или жанр) включается как одно из значений в понятие "вэньти". Чэнь Шисянь считает, что в наибольшей степени западному понятию жанра соответствует китайское понятие "вэньлэй". Его значение указывает на некоторый род произведений, сходство которых можно распознать по ряду внешних признаков, и по мере того как эти произведения приобретают широкое хождение, эти признаки становятся общепринятыми, вплоть до того, что имеют общее художественное воздействие и особенности.

Относительно места монашеских биографий — были ли они исключительно литературными произведениями или произведениями историческими — об этом невозможно дать удовлетворительного и однозначного ответа, как нет удовлетворительного ответа — является ли вообще биография историей или литературой. Поскольку монашеские биографии содержат элемент "передачи" материала, то, как будто, относятся к историческим образцам, однако общепризнанны и литературные достоинства монашеских биографий. Если же судить в полной мере, то монашеские биографии принадлежат к религиозной литературе и имеют свои функциональные особенности. В отношении монашеского собрания биографий невозможно ограничиваться критериями литературной художественности или исторического совершенства, к нему необходимо прилагать и религиозные критерии — только так мы получим возможность представить характеристику его жанра и особенностей его стиля. Это не просто историческая оценка, но с интерпретацией буддийских принципов и возвращением в духовную атмосферу создания памятника.

Приходится констатировать, что монашеская биография входила в разряд "смешанных биографий" официально не предполагалась образцовой историей, возможно из-за непонимания силы влияния религии на историю человечества. С другой стороны невозможно глубоко исследовать монашеские биографии, если ограничить свое внимание только их историзмом и литературными достоинствами. Тем более, что содержащиеся в ГСЧ заключения/славословия кроме изложения буддийских принципов содержат в себе свидетельства эволюции иных идеологических течений той эпохи, имеющие чрезвычайный интерес для историка китайской духовной культуры. Заключения/славословия имеют по отношению к монашеским биографиям свое отчетливое жанровое значение — усилить их историческое, литературное и религиозное влияние.

Рассматривая биографию как самостоятельный жанр, мы неизбежно распространяем ее характеристики на весь массив биографической литературы. Однако такие характеристики однажды установленные позволяют точно определить место "монашеских биографий" в литературном пространстве и таким образом буддийская биография становится отдельным предметом изучения. Буддийская биография — особая разновидность жанра, так как ее религиозная принадлежность и в историческом, и литературном отношении создает содержание и определяет иные критерии биографии.

Заключения/славословия, содержащиеся в биографиях, есть, безусловно, ключ к характеристике жанра биографии, однако в ограниченных пределах. Заключения/славословия монашеских биографий не полностью заняты "оценкой" и "экспликацией" в них излагается множество буддийских принципов, понятий, значений. Заключение/славословия — это своего рода обнаружение намерений, а в монашеских биографиях — вплоть до краткого пересказа содержания раздела, цель которого очередное провозглашение буддийских принципов. Не в последнюю очередь смысл таких повторов состоит в сочетании исторического с литературным аспектом.

Второй параграф «Стиль заключений/славословий ГСЧ» посвящен особенностям стиля монашеских биографий.

Формирование стиля связано с воплощением внутренних помыслов автора в его произведении и их взаимовлиянием включая авторский талант, темперамент, помыслы, предпочтения, а также конкретный замысел произведения. Стиль служит некой посреднической структурой в выявлении содержания заключений/славословий и выявления глубоких внутренних чаяний автора.

Далее проводится стилистический анализ ГСЧ, который даёт представление о конкретных идеях и авторских приемах Хуэй-цзяо.

Заключения/славословия — это практическое претворение в текст воззрений Хуэй-цзяо вплоть до того, что их можно рассматривать как "юйлу" или "запись речей" как форму философского дискурса и монашеских поучений. Но лучше всего исследовать образ мыслей человека можно по им же собственно изложенным или им собственноручно написанным материалам, а "юйлу" могли подвергнуться искажениям и неверной интерпретации в процессе записи учениками слов паставника. Итак, заключения/славословия полностью излагают аутентичные суждения автора и потому являются главным источником его воззрений.

Возможно, достойное монашество, истолкованное в заключениях/славословиях и преподанное в обширном биографическом ряду ГСЧ несколько отличается от

"реального" монашества того времени, но, тем не менее, этот идеал формировал и продолжает формировать образцы религиозного служения внутри сангхи и за ее пределами. Универсальное стремление последователей буддизма — это святость религиозный долг предписывает буддийским адептам изменять и регулировать свою жизнь в этом направлении. "Жизнеописания достойных монахов", стоящие на такой позиции являются наиболее конкретным и предметным памятником буддийской святости. Монах, поднявшийся до уровня "достойного монашества", в какой-то степени достигает уровня святости, однако в китайской культуре в качестве идеала святости рассматривается только один человек — Конфуций.

Хуэй-цзяо не выбрал название "знаменитые монахи", "божественные монахи" или "выдающиеся монахи", чтобы избежать ошибочных толкований, однако если бы он предпочел и название "Жизнеописания святых монахов", то материалов для обоснования такой темы также могло быть недостаточно. Избрав "достойное монашество", он счастливо следует древнему изречению "следуя по пятам святого, мудрый может иметь чудесную опору".

В третьей главе «Гао Сэн Чжуань в призме европейской агиографической литературы» рассматривается вопрос соотносимости китайской биографии и христианской агиографической литературы. Глава состоит из двух параграфов, в которых приведен анализ некоторых типических черт в формировании историко-литературных памятников агиографического жанра в христианской традиции преимущественно на примере агиографического жанра Древней Руси, а также проведено сравнение житий и ГСЧ, как источников достоверной исторической биографической информации, принципов их формирования. Для полного раскрытия сходств и различий, в обоих случаях, рассмотрены агиографические материалы в историческом и литературном аспектах.

В первом параграфе «Краткий очерк возникновения и развития русской житийной литературы как жанра» дан общий обзор формирования и развития христианской агиографической традиции преимущественно на примере русской житийной литературы.

Второй параграф «Сравнение материалов «Житий» и Гао Сэн Чжуань» посвящен анализу православных «Житий» и их отличию от «Жизнеописаний достойных монахов».

Для выяснения вопроса соотносимости китайской и христианской агиографической литературы, задача сравнения житий и ГСЧ разбита на три взаимодополняемых раздела:

- 1) Сравнение концепций святости в буддизме и христианстве

2) Сравнение житий и ГСЧ. как источников достоверной исторической биографической информации, принципы формирования

3) Сравнение биографической типологии персонажей описанных в этих памятниках

Для полного раскрытия сходств и различий, в обоих случаях, должны быть рассмотрены агиографические материалы в историческом и литературном аспектах

В качестве исследовательской базы привлечены «Четы Миней» Дмитрия Ростовского, как текст максимально приближенный к ГСЧ в плане формы В качестве дополнительных источников привлечены материалы авторитетов в области исследования православной догматики и агиографии - профессора Московской духовной академии Е. Г. Голубинского, митрополита Макария (Булгакова), богослова протоиерея Сергия Булгакова доктора философских наук, профессора НС Гордиенко и др. Так же в некоторых случаях мы будем обращаться к работе протоиерея Александра Державина, который исследовал в своей диссертации «Четы Миней свяителя Дмитрия митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник» сходные с нашими вопросы

Делается вывод о том, что на различных этапах своего развития, мировая литература создавала образцы произведений, рассказывающих о религиозных деятелях В этом смысле можно говорить об относительной сопоставимости китайских буддийских жизнеописаний и агиографии В большинстве же аспектов контуры этих литературных памятников сильно расходятся По нашему мнению это вытекает из самой разницы мировосприятия в буддизме и христианстве, где цели и пути практики направлены в несколько разные стороны Соответственно не совпадает и идеал святости Так идеал мученического подвижничества, столь распространенный в христианстве, почти неизвестен буддизму

В плане историографии ГСЧ и жития полностью расходятся, что следует из весьма разных подходов к созданию и назначению этих текстов Разными является и субъективное отношение авторов к описываемым событиям В то же время, можно сблизить «Жизнеописания достойных монахов» с жизнеописаниями, повествующими о священнослужителях в первую очередь с произведениями византийской и древнерусской агиографии и некоторыми памятниками более поздней эпохи В этих случаях контуры памятников во многом сходятся

Таким образом, можно соотнести ГСЧ с православными образцами монашеских биографий, не сблизая с остальными направлениями агиографии

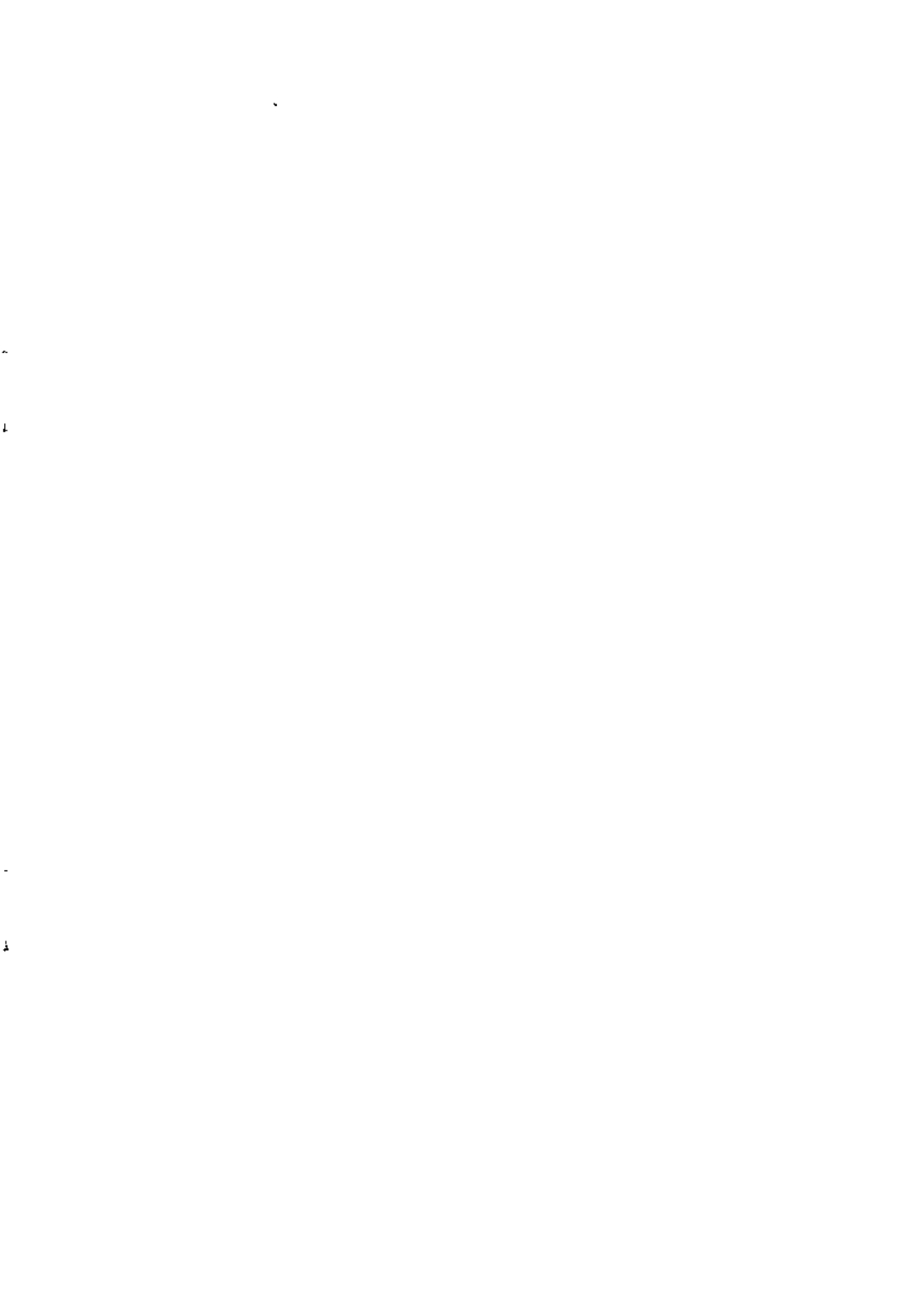
В заключении автор возвращается к основным положениям диссертационной работы, подводит итоги исследования и делает основные выводы

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях

По теме диссертационного исследования диссертантом опубликованы следующие работы

- 1 Процесс формирования «Биографий достойных монахов» Диуань, 1997 (на кит. яз.) N 3 вып. 1 С. 350-363 (0,5 п. л.)
- 2 «Система Чистых людей и ее роль в разграничении мирского и сакрального в китайском буддизме» Хунсен, 2003, №3 С. 19-36 (на кит. яз.) (0,5 п. л.)
- 3 Принципы передачи и описания сакрального опыта в религиозных биографиях» Хунсен, 2004, №3 С. 25-38 (на кит. яз.) (0,5 п. л.)
- 4 «Разграничение» и «очищение» как факторы религиозного поведения на примере буддийского ритуала «снискания пропитания»
//Религиозно-философское наследие Востока в герменевтической перспективе
Материалы международной научной конференции 2001г. Санкт-Петербург
Symposium XXXIII Санкт-Петербург, 2004 С. 181-196 (на русс. яз.) (0,5 п. л.)

Отпечатано в ООО «Копи-Р»
С-Петербург, ул. Пестеля 11
Подписано в печать 6.09.2005
Тираж 100 экз.

№ 16827

РНБ Русский фонд

2006-4

12770